Политическая ценность суверенитета не изменилась

Майкл Уолцер

РЖ *Уважаемый господин Уолцер, как вы думаете, изменился ли идеологический подход к вопросу о суверенитете у новой администрации США? Чем он отличается от подхода предыдущей администрации?*

Новая администрация США по-другому смотрит на мир, чем Буш и его правительство, она более заинтересована во взаимодействии с другими странами, как западного альянса, так и с теми, которые в него не входят, и это не декларации, а действительность. Однако я совсем не уверен, что у администрации Обамы иной подход к вопросу о суверенитете, отличный от позиции Джорджа Буша. Администрация демократов сохранила подход прежней администрации: суверенитет не может оправдывать массовые убийства, интервенция извне может быть оправдана. Если и есть разница, то только в акцентах – «крайний случай», допускающий интервенцию, у Обамы обладает более точными и менее идеологизированными характеристиками, чем у его предшественника.

РЖ *Обсуждается ли сейчас на серьезном научном уровне проблематика суверенитета на Западе?*

Научная дискуссия по вопросу о «размывании границ суверенитетов» идет уже давно, она совсем не нова. Но лично я думаю, что **политическая ценность суверенитета в современном мире нисколько не уменьшилась.** Наоборот. Чтобы лучше понять ценность суверенитета, нужно поговорить с теми, у кого его нет, то есть, например, с курдами, с тибетцами, или с палестинцами, или с теми, кто лишь недавно обрел суверенитет, например с тиморцами или с евреями. Суверенное государство продолжает оставаться основным инструментом самоопределения и самозащиты наций.

РЖ *Что бы вы ответили тем, кто утверждает, что суверенитет уже не тот, каким он был, скажем, сто лет назад?*

Интервенция НАТО в Косово, например,— это типичное нарушение международного законодательства, хотя Юрген Хабермас и назвал эту опера-

Майкл Уолцер – американский политический философ и влиятельный публичный интеллектуал, профессор Института высших исследований Принстонского университета. По мнению совместного опроса журналов «Foreign Policy» и «Prospect», входит в число ста ведущих мыслителей планеты. Помимо преподавательской деятельности Уолцер занимает пост главного редактора влиятельного политического журнала «Dissent» и является колумнистом таких известных изданий, как «The New Republic», «The New York Review of Books» и «The New Yorker». Перу Майкла Уолцера принадлежит множество книг, две из которых – «Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века» (1988), «О терпимости. Лекции по этике, политике и экономике» (1997) – вышли и на русском языке.

Майкл Уолцер считается одним из ведущих теоретиков интеллектуального течения **«коммунитаризма»**, согласно которому основным субъектом социального действия должна являться та или иная «общность», а не личность.

Вклад Уолцера в это течение оценивается как очень высокий, поскольку именно ему принадлежит **теория «комплексного равенства»**, согласно которой критерием равенства следует считать не некое единое благо, материальное или духовное, но, скорее, требование эгалитарной справедливости.

Иными словами, каждое конкретное благо должно распределяться между членами общества в соответствии с тем значением, которое это благо имеет для данного общества как целостного организма. Таким образом, никакому благу (будь то деньги или политическая власть) не должно быть позволено искажать принципы распределения благ в других сферах.

Помимо разработки теории «комплексного равенства», Уолцеру принадлежит довольно **оригинальная трактовка понятия «справедливость»**. С его точки зрения, справедливость – это, прежде всего, нравственный стандарт конкретных обществ; соответственно, ее нельзя сформулировать как универсальную абстракцию. Война может считаться справедливой, полагает Уолцер, если в ходе нее соблюдаются определенные заранее установленные этические стандарты.

цию «незаконной, но необходимой с моральной точки зрения». Сохранилась ситуация, при которой у сильных государств есть все необходимое для обретения и защиты своего суверенитета. Слабые же государства вынуждены идти на различные компромиссы. Возможно, так было всегда.

РЖ *После начала работы международных организаций появилось представление о делегировании этим институтам неких полномочий, которые, как считают некоторые политологи, угрожают суверенитету. Что вы думаете по этому поводу?*

С экономической точки зрения такие организации, как ВТО или МВФ, покушаются на суверенитет независимых государств. Более того, под удар попадают, прежде всего, опять же слабые, а не сильные государства. Но я подозреваю, что для суверенитета мировая экономика сегодняшнего дня таит множество опасностей и компромиссов. Хотя **основной вызов суверенитету государства в первые десятилетия XXI века — это уголовное судопроизводство**, по крайней мере, именно это часто стоит на повестке дня Международного уголовного суда, к которому так и не присоединились Соединенные Штаты, опасающиеся за поражение некоторых своих суверенных прерогатив. Сейчас, судя по всему, наибольшее давление на суверенитет отдельных государств исходит именно от стремления к внедрению глобальной юрисдикции, к образованию институтов, обеспечивающих подобное судопроизводство. Возможно, это самая интересная проблема, с которой сталкиваются современные суверенные государства. И, конечно же, это напрямую связано с дискуссиями об оправданности гуманитарных интервенций.

РЖ *Как вы считаете, возможна ли координация процесса решения важных глобальных проблем без ущемления права государств на суверенитет?*

Если вспомнить о переговорах, ведущихся по проблеме глобального потепления, то можно прийти к пониманию того, что самый важный вопрос заключается в том, смогут ли суверенные государства выработать единую научную программу в этом отношении. Ведь научные данные говорят о том, что решать эту проблему надо достаточно быстро. Нам нужно установить очень жесткий контроль над уровнем выбросов углеродов, и многие суверенные государства будет очень сложно уговорить внедрить этот контроль на своей территории. Так что я не думаю, что под угрозой сам суверенитет отдельных стран, в данном случае под угрозой весь мир, в котором мы живем.

РЖ *Существуют ли сегодня различные типы суверенитетов, например, ограниченный или абсолютный?*

Конечно, существуют, просто об этом не принято говорить. Повторюсь – **суверенитет слабых государств всегда был ограничен**. Думаю, что кто-то может разработать соответствующую случаю классификацию, но, как мне кажется, такая классификация вряд ли окажется очень полезной, ведь она будет слишком неудобной для многих. Возможно, более интересно было бы рассмотреть конкретные функции, в том числе политические и юридические, а также экономические возможности государств, оценить степень давления на их суверенитет. Вот эту работу стоило бы провести.

РЖ *Как вы считаете, нужно ли нам сегодня обновленное понимание суверенитета? Возможно, требуется изменение классического понимания этого понятия и его адаптация к новым реалиям? Или в этом нет необходимости?*

Сейчас, мне кажется, **все больше усиливается моральное осознание того, что суверенные государства не могут делать в рамках их территорий абсолютно все, что пожелают их лидеры**. Массовые убийства, этнические чистки, массовое порабощение населения должны встречать решительный отпор со стороны международного сообщества. Но это лишь моральное осознание вопроса, не превратившееся, насколько я понимаю, в общепризнанную норму, хотя было бы весьма неплохо отразить эту позицию в международном законодательстве. Соответствующее голосование уже было проведено в Генеральной Ассамблее ООН. Некоторые юристы считают, что это уже сейчас является частью международного законодательства. Мировое сообщество несет ответственность по защите людей, невзирая на государственные границы. ■

Беседовала Юлия Нетесова